

© 2009 г.

Н.П. ТАТЬШИНА

КНЯГИНЯ Д.Х. ЛИВЕН И ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ I

Личность княгини Дарьи Христофоровны Ливен (1785–1857) вызывает весьма активный интерес как зарубежных, так и отечественных исследователей¹. Историки вновь обращаются к изучению деятельности этой незаурядной женщины, которую по праву можно считать одной из ключевых фигур европейской теневой дипломатии первой половины XIX в. Исследованию этой темы способствует и богатейшее документальное, прежде всего эпистолярное, наследие Дарьи Христофоровны, представленное тысячами писем, политических заметок и дневниковых записей. Из неопубликованных источников, хранящихся в российских архивах, наибольший интерес представляют документы Государственного архива Российской Федерации. В первую очередь речь идет о переписке Д.Х. Ливен с императрицей Александрой Федоровной за 1832–1856 гг., хранящейся в фонде "Коллекция документов Рукописного отделения библиотеки Зимнего дворца". Эти документы, мало задействованные исследователями, позволяют существенно расширить представление о деятельности Д.Х. Ливен, а также скорректировать имеющиеся в исторической науке стереотипы относительно ее роли в переговорах, предшествовавших Крымской войне.

Еще одну важную группу неопубликованных источников составляет переписка Дарьи Ливен с родственниками, прежде всего с братом Александром Христофоровичем Бенкендорфом и с племянником Константином Константиновичем Бенкендорфом².

Не меньший научный интерес представляют опубликованные источники, а именно – обширнейший обмен корреспонденцией между княгиней Ливен и ведущими европейскими политиками и дипломатами: австрийским канцлером К. Меттернихом, английскими политиками лордом Греем и лордом Абердином, оживленная и весьма содержательная переписка с министром иностранных дел Франции Ф. Гизо, с леди Пальмерстон, супругой ведущего английского политика Г.Дж. Пальмерстона, с А. Бенкендорфом во время пребывания Дарьи Христофоровны в Лондоне³. В настоящее время некоторые публикации переиздаются.

Таньшина Наталия Петровна – доктор исторических наук, профессор кафедры новой и новейшей истории Московского педагогического государственного университета.

¹ См.: Данилова А. Благородные девицы. Воспитанницы Смольного института. Биографические хроники. М., 2004; Сакун О.Ф. Деятельность российского посла Х.А. Ливена и его супруги Д.Х. Ливен в Лондоне. 1812–1834 годы. – Новая и новейшая история, 2006, № 6; Cromwell J.L. Dorothea Lieven: a Russian Princess in London and Paris, 1785–1857. Jefferson, 2007.

² Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ), ф. 1126, оп. 1. Бенкендорфы, д. 332, 364, 406, 424, 431; ф. 728. Коллекция документов Рукописного отделения библиотеки Зимнего дворца, оп. 1, т. 2, д. 1664, ч. 1–17; д. 1421, 1427, ч. 1–3; д. 1842, 2530.

³ Princess Lieven during Her Residence in London, 1812–1834. Ed. by L.G. Robinson. London, 1902; Lettres du Prince Metternich à la comtesse Lieven. 1818–1819. Ed. par J. Hanoteau. Paris, 1909; Gordon G.H. The Correspondence of Lord Aberdeen and Princess Lieven. 1832–1854. V. 1. 1832–1848. London, 1938; The Private Letters of Princess Lieven to Prince Metternich. 1820–1826. Ed. and with a biographical foreword by P. Quennell. New York, 1938; The Lieven – Palmerston Correspondence. 1828–1856. London, 1943; Letters of Dorothea, Letters of Princess Lieven to Lady Holland. 1847–1857. Oxford, 1956; Lettres de François Guizot et de la princesse Lieven. Préface de J. Schlumberger, t. 1–3. Paris, 1963–1964; Correspondance of Princess Lieven and Earl Grey, v. 3. Elibron Classics, 2006; Княгиня Д.Х. Ливен и ее переписка с разными лицами. – Русская старина, январь 1903 – январь 1904.

Кроме того, богатейший материал содержится в обширной мемуарной литературе, воспоминаниях, работах публицистического характера, где дается оценка деятельности княгини Ливен современниками. Особый интерес представляют дневниковые записи герцогини Доротеи де Дино, племянницы Ш.-М. Талейрана, воспоминания А. де Буань, хозяйки модного литературно-политического салона в Париже эпохи Реставрации и Июльской монархии, публицистические работы Ф. Гизо⁴.

* * *

Жизнь Доротеи, или, как ее называли в России, Дарья Ливен, урожденной Бенкендорф, с детских лет была связана с императорским двором. Ее мать, баронесса Анна-Юлиана Шеллинг фон Канштадт, впоследствии вышедшая замуж за военного губернатора Риги Христофора Ивановича Бенкендорфа, прибыла в Россию в 1776 г. в качестве фрейлины будущей императрицы Марии Федоровны, супруги императора Павла I. После смерти в 1797 г. госпожи Бенкендорф ее сыновья Александр и Константин и дочери – старшая Мария и младшая Даша – остались на попечении императрицы, которая заботилась о них до самой своей смерти. Она обеспечила их материально, дала сестрам приданое и в своем завещании просила императора оказать покровительство детям особы, которая была "ее ближайшим другом и память о которой была ей всегда дорога"⁵. Императрица, опекавшая Смольный институт, устроила туда сестер Бенкендорф, хотя они уже вышли из того возраста, когда девочек принимали в Смольный. Там они получили лучшее по тем временам образование. По окончании обучения императрица позаботилась об устройстве их личной жизни. В 1799 г. Дарья была пожалована во фрейлины, а уже в следующем году выдана замуж за любимца Павла I 26-летнего Христофора Андреевича Ливена (1774–1839) – военного министра, генерал-лейтенанта, который своей быстрой карьерой во многом был обязан матери, Шарлотте Карловне, являвшейся воспитательницей внуков императрицы Екатерины II и 45 лет состоявшей при дворе. Император Павел I в свою очередь покровительствовал братьям Бенкендорфам.

Смерть Павла I и восшествие на престол императора Александра I не изменили привилегированного положения семьи Ливен. Дарья находилась при дворе, ведя веселую светскую жизнь и являясь восторженной поклонницей молодого императора. Граф Ливен оставил пост военного министра, но продолжал пользоваться полным доверием Александра I.

В конце 1810 г. он был назначен чрезвычайным посланником и полномочным министром в Берлине. Там супруги Ливен пробыли до лета 1812 г., а уже 5 сентября 1812 г. граф получил очень важный пост посла в Великобритании, где и началась дипломатическая карьера его супруги.

По многочисленным отзывам современников, именно Д. Ливен являлась настоящей посланницей Российской империи в Лондоне в 1812–1834 гг., превосходя своего мужа и политическим талантом, и дипломатическими способностями. Как отмечал авторитетный английский исследователь Х. Темперли, никогда еще иностранка не получала

⁴ Guizot F. *Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps*, v. 1–8. Paris, 1858–1867; *idem*. *Mélanges biographiques et littéraires*. Paris, 1868; Metternich. *Mémoires, documents et écrits divers laissés par le prince de Metternich*, t. 1–8. Paris, 1880–1884; Broglie A. *Les Souvenirs, 1795–1870*, v. 1–4. Paris, 1886; Greville. *Les quinze premières années de règne de la reine Victoria*. Paris, 1889; Barante. *Souvenirs du baron de Barante, 1782–1866*, v. 1–8. Paris, 1890–1901; Castellane E.V.E.B. *Journal du maréchal de Castellane (1804–1862)*, t. 1–5. Paris, 1896; Boigne. *Mémoires de la comtesse de Boigne*, t. 1–4. Paris, 1908; Dino D. (duchesse de Talleyrand et de Sagan). *Cronique de 1831 à 1862*, t. 1–5. Paris, 1909–1910; Apponyi R. *Vingt-cinq ans à Paris. (1826–1850). Journal du comte Rodolphe Apponyi, attaché de l'ambassade d'Autriche à Paris*, t. 2. Paris, 1913; Шатобриан Ф.П. де. *Замогильные записки*. М., 1995.

⁵ Княгиня Д.Х. Ливен и ее переписка с разными лицами. – *Русская старина*, 1903, № 1, с. 188.

сведений об английском обществе из первых рук и не обладала в нем большим влиянием⁶.

После нескольких лет пребывания в британской столице графиня Ливен неофициально становится одной из центральных фигур европейской дипломатии. Она ведет активную переписку с вице-канцлером К.В. Нессельроде, с вдовствующей императрицей Марией Федоровной, а с 1832 г. – с супругой Николая I императрицей Александрой Федоровной. Переписка с императрицей продолжалась до 1856 г., с перерывом в 1836–1842 гг.

Д. Ливен неоднократно поручались важнейшие дипломатические миссии. В частности, в 1825 г. графиня была вызвана в Санкт-Петербург для выполнения особо важного задания императора Александра I: она должна была содействовать русско-английскому сближению. Сам факт, что именно Дарью Христофоровну, а не ее мужа вызвали в Петербург, показателен: Нессельроде хорошо знал о ее истинной роли в российском посольстве, ценил ее ум, политические способности, ее связи и контакты в Англии. Дарья Христофоровна произвела очень сильное впечатление на императора. После первого же разговора с ней он заметил ее брату А. Бенкендорфу: "Ваша сестра покинула нас молодой женщиной; сегодня я нашел ее государственным деятелем"⁷.

В то же время этот визит показателен и в другом плане: хотя Ливен всегда была предана интересам России, служить отечеству она могла только за его пределами. По складу ума она стала совершенно западным человеком; ей была абсолютно чужда придворная лесть, и, несмотря на радость оказаться на родине, она очень тяготилась "невыносимым придворным этикетом". "Я видела это зрелище прежде, – писала она, – но я не думала о нем; сегодня же оно меня поразило... Эти занятия пустыми делами; эта важность, которая придается мелочам; эта манера каждого русского спешить, чтобы потом долго ждать; это абсолютное самоуничтожение и подобострастность к персоне суверена. Все это разительно отличалось от страны, откуда я приехала"⁸.

Еще большее, если не сказать, шокирующее впечатление "западные манеры" Дарьи Христофоровны произвели на опытного царедворца Нессельроде. Как отмечала Ливен в своих "Политических воспоминаниях о союзе с Англией", вице-канцлер, страшно робевший перед государем, поразился смелости, с которой она беседовала с царем, а ее саму поражал страх министра при общении с императором: "Никогда еще он не осмелился дискутировать с ним (Александром I. – Н.Т.)"⁹. Сказывались 12 лет, проведенных в Англии, где Ливен была на коротке с королем, ведущими государственными деятелями. Она уже привыкла к совершенно иному, европейскому стилю жизни. Удивление Нессельроде, как верно подметил П.Ю. Рахшмир, в известной мере помогает понять, почему ей так и не удалось адаптироваться к российской действительности и почему она предпочтет жить за границей¹⁰.

С глубокой скорбью графиня Ливен встретила известие о смерти императора Александра I. 15 (27) декабря 1825 г. она писала из Брайтона Чарльзу Грею, с которым незадолго до этого у нее завязалась переписка: "Император Александр был наилучшим из государей – наиболее гуманный, благородный и справедливый из людей. В течение своего двадцатипятилетнего самодержавного правления он пользовался этой властью только для того, чтобы делать добро. Его память будет благословляема долгое время, пока существует русский народ"¹¹.

Восшествие на престол Николая I еще больше упрочило положение супругов Ливен. Одним из первых официальных актов царя стало утверждение Христофора Ан-

⁶ *Temperley H. The Unpublished Diary and Political Sketches of Princess Lieven Together with Some of Her Letters.* London, 1925, p. 11.

⁷ ГА РФ, ф. 728, оп. 1, т. 2, д. 1421, л. 7об.

⁸ Там же, л. 5об.

⁹ Там же, л. 7об.

¹⁰ *Рахшмир П.Ю.* Князь Меттерних: человек и политик. Пермь, 2005, с. 230–231.

¹¹ Княгиня Д.Х. Ливен и ее переписка с разными лицами. – Русская старина, 1903, № 1, с. 198.

дреевича на высоком посту официального представителя Российской империи в Лондоне. Затем последовало приглашение прибыть в Петербург, где посланник удостоился важной роли на церемонии коронации, царь пожаловал ему княжеский титул¹². Теперь уже княгиня, Дарья Христофоровна с восторгом отзывалась о новом императоре, в частности, в письме А. Бенкендорфу от 13 августа 1826 г.: "Я приписываю себе заслугу, что я предугадала в великом князе Николае Павловиче великого человека... Мой муж, обыкновенно весьма сдержанный, в совершенном восторге от него. По возвращении сюда он (Х.А. Ливен. – Н.Т.) был принят всеми особенно любезно; его приглашали король, министры и многие другие лица, желавшие поговорить с ним. Так как, надобно признаться, я довольно любопытна, то и я не давала ему покоя"¹³. Несколько месяцев спустя она писала брату: "Я в восторге от всего, что ты мне пишешь об императоре, он уже пользуется за границей выдающейся славой. Принимая во внимание, как трудно упрочивается слава вообще, можно подумать, что он царствует уже лет двадцать, такое составилось о нем громкое мнение. Европа признала за ним ум, твердость характера и справедливость – это сделалось его credo"¹⁴.

В 1828 г., после смерти Шарлотты Карловны Ливен, император Николай передал Дарье Христофоровне звание статс-дамы и воспитательницы императорских детей.

* * *

В 1834 г. князь Ливен был отозван со своего дипломатического поста в Лондоне. Поводом послужил конфликт из-за предполагавшейся кандидатуры посла Великобритании в России Стратфорда Каннинга, которая не устраивала российское министерство иностранных дел. Истинные же причины заключались в возникновении противоречий между двумя странами по широкому кругу вопросов: восточному, польскому, португальскому. Князя Ливена обвиняли в том, что он едва ли не умышленно еще больше запутал их.

После возвращения в Петербург Христофор Андреевич был назначен попечителем при 16-летнем наследнике престола цесаревиче Александре и стал членом Государственного совета. Дарье Христофоровне было поручено обучать наследника манерам и искусству общения в свете.

8 сентября Ливены поселились в Царскосельском дворце, где им было отведено казенное помещение, поскольку своего дома у них не было. Царь сделал все, чтобы отъезд из Лондона не казался им немилостью. Действительно, как отмечала герцогиня де Дино, новое назначение князя было обставлено так, что "могло польстить его самолюбию и утешить"¹⁵. Для княгини привыкание к новым условиям оказалось очень тяжелым. Однообразие жизни в Царском Селе, строгая дисциплина, царившая при дворе, необходимость вечно и во всем повиноваться и полное отсутствие той кипучей общественной деятельности, к которой она привыкла во время своего многолетнего пребывания в Лондоне, ее тяготили. "Мои письма глупы и неинтересны, – отмечала она, – я так привыкла наполнять их описанием событий, важных или просто забавных, что я совершенно не умею описать ту монотонную, однообразную жизнь, какую я веду. Колебания термометра – вот все наши события! Выше он или ниже нуля? Вот ежедневно великий для нас вопрос. В Лондоне я имела другие интересы"¹⁶.

Княгиня пробыла в России семь месяцев. Ее отъезд за границу ускорило ужасное несчастье: в марте 1835 г. в Дерпте умерли от скарлатины два ее младших сына – Ге-

¹² Титул светлейшей княгини был пожалован матери Х.А. Ливена Шарлотте Карловне и всем ее потомкам.

¹³ Княгиня Д.Х. Ливен и ее переписка с разными лицами. – Русская старина, 1903, № 1, с. 200.

¹⁴ Там же.

¹⁵ *Dino D.* Op. cit., t. 1, p. 84.

¹⁶ Княгиня Д.Х. Ливен и ее переписка с разными лицами. – Русская старина, 1903, № 11, с. 423.

оргий и Артур, пятнадцати и десяти лет. Она больше не могла выполнять свою роль верного советника при попечителе цесаревича. К тому же трагедия подорвала ее здоровье, и так неважное. Врачи предписали ей на время уехать из России.

Получив разрешение, в начале апреля 1835 г. Д. Ливен отправилась в сопровождении мужа в Берлин, где он ее оставил, чтобы вернуться к своим обязанностям. Христофор Андреевич и брат Александр настаивали на том, чтобы после окончания курса лечения она поселилась в Царском Селе. Но княгиня уже приняла решение не возвращаться на родину. В одной из бесед с герцогиней де Дино Ливен обмолвилась, что они с мужем уже давно разместили все свои сбережения за границей, "чтобы быть защищенными от царских указов"¹⁷. К тому же в Бадене, как и в Берлине, доктора единодушно утверждали, что ей не пережить зимы в России. В конце августа, когда курс лечения в Бадене подходил к концу, она начала высказывать в своих письмах желание обосноваться в Париже.

Между тем по российским законам эмиграция рассматривалась как преступление и могла караться ссылкой и конфискацией имущества. В соответствии с указом Его Императорского Величества от 27 апреля 1834 г., "наличное имущество лица, безвестно отсутствующего, берется... в опеку. Доходы, с оного собираемые, за уплатою долгов и за назначением приличного, по усмотрению опеки, содержания жене и детям, в России пребывающим, отсылаются в Кредитные установления". После установления опеки в официальных российских изданиях печатались соответствующие объявления. Если по истечении шестимесячного срока после публикации человек не объявлялся, он считался "оставившим отечество, и вследствие того имущество его остается по смерти его в опекунском управлении, на основании 2-й статьи сего указа". "Срок дозволенного пребывания за границей с узаконенным паспортом" по этому указу определялся так: для дворян – пять лет, для "всех прочих состояний" – три года; для более длительного пребывания за границей нужно было получить личное разрешение императора или отсрочку, что было явлением весьма редким¹⁸.

Именно на это разрешение и уповала Дарья Христофоровна. Она писала брату: "Доктора запрещают мне ехать в Италию, тем более что там холера. Мне необходим умеренный климат, но главное, ум мой должен быть занят. Это единственное для меня лекарство, единственное средство продлить мое существование. Моему телу необходим отдых, а для ума мне необходима пища. Я постараюсь найти и то, и другое в кругу моих друзей... Я предполагаю провести там (в Париже. – Н.Т.) осень. Мне кажется, дорогой брат, что я слишком дорого заплатила за право искать утешения в моем ужасном горе там, где я могу найти его. Если на это необходимо получить разрешение императора, то я полагаю, что он не откажет мне в этом"¹⁹.

Однако Николай I отнюдь не был согласен с тем, чтобы его подданная, за которой еще в Лондоне закрепилась слава интриганки, обосновалась в Париже, в этом эпицентре революций, к тому же свободная от каких-либо ограничений формального характера. Так начался многолетний конфликт между Дарьей Ливен и Николаем I.

Очень скоро Дарья Христофоровна почувствовала изменившееся отношение к ней со стороны правящих кругов России, прежде всего по поведению графини М.Д. Нессельроде, которая той же осенью отдыхала в Баден-Бадене. Ливен жаловалась брату: "Это меня огорчает и вместе с тем удивляет. До сих пор я везде имела счастье сохранить доброе расположение людей, кои считали меня в числе своих друзей. Ныне мое несчастье как будто дает мне на это еще более права. Но я в этом ошиблась, и я чрезвычайно этим оскорблена. Мне до сих пор не приходилось испытать такой изменчивости. Я считаю это естественным последствием того, что все русские, особенно доро-

¹⁷ *Dino D. Op. cit.*, t. 1, p. 395.

¹⁸ Черкасов П.П. Я.Н. Толстой во Франции: период эмиграции (1826–1836). – Россия и Франция. XVIII–XX века, вып. 7. М., 2006, с. 188.

¹⁹ Княгиня Д.Х. Ливен и ее переписка с разными лицами. – Русская старина, 1903, № 11, с. 425–426.

жащие высочайшей милостью, подражают во всем г-же Н. и поэтому избегают меня. Это мне испортило мое пребывание здесь".

Она просила брата заступиться за нее перед царем и разрешить ей остаться в Париже: "Убедите императора отнестись благосклонно к моей просьбе, ибо мысль заслужить его неодобрение омрачает мне те немногие радости, которые я могу еще найти"²⁰.

Между тем князь Ливен, действуя строго в соответствии с указаниями царя, писал жене, что он "разрешает ей жить где бы то ни было, где она пожелает, только не в Париже"²¹. Но княгиня не изменила своих планов. За зиму в Париже у нее уже завязались дружеские отношения со многими французскими политиками. Она познакомилась с Ф. Гизо, П. Берье, А. Тьером, Л. Моле. Извещая брата о своем решении провести и следующую зиму в Париже, она послала ему медицинское свидетельство с просьбой предоставить его государю.

Париж, его атмосфера оказались именно тем лекарством от душевных и физических страданий, которое было ей нужно. Политика являлась главной страстью княгини Ливен, извлекавшей информацию откуда только можно: из светских бесед и дипломатических депеш, из газет и писем. По словам герцогини де Дино, "получение новостей и разговоры ей необходимы, и она знает лишь одно уединение – для сна"²². Скука охватывала княгиню всякий раз, когда она оказывалась вдали от источников информации и средоточия власти. Благодаря той же герцогине де Дино мы знаем, как вела себя княгиня вне своей "естественной среды". В июне 1836 г. она приняла приглашение герцогини провести лето в великолепном замке Талейрана Валансэ, превосходившем размерами и неслыханной роскошью дворцы многих монархов Европы, но приехав туда, уже к вечеру заскучала, несмотря на то, что "ее устроили как можно лучше и окружили всяческой заботой". А все потому, писала де Дино, что "здесь нет ни новостей, ни блеска человеческого ума – двух самых важных вещей в ее жизни. Новшества материальной жизни, воспоминания, исторические традиции, красоты природы, спокойная домашняя жизнь, размышления – ничто из этого не было ее привычкой"²³.

Сюда, в Валансэ, Ливен было доставлено письмо от мужа, который сообщал о негативной реакции императора Николая на ее пребывание в Париже, причиной которой стал парижский салон княгини. Де Дино записала в своем дневнике 10 июня: "В Санкт-Петербург передавали разговоры и целые речи, которые якобы произносила княгиня и которые, конечно, являлись выдуманными, поскольку она была верна своему хозяину. Но если ты много общаешься и если ты у всех на виду, то в любом случае ты будешь скомпрометирован. Это очень возмутило княгиню"²⁴.

Оставшиеся летние месяцы княгиня провела в Бадене, не получая писем от мужа, послушно выполнявшего волю императора, о чем Дарья Христофоровна сообщала графине Аппоньи, супруге австрийского посла во Франции: "Я не могу строить никаких планов относительно будущего; я не знаю, где я буду в сентябре"²⁵.

В ее письмах постоянно повторяются жалобы на скуку, дурную погоду, упорный кашель, ревматизм, отсутствие писем от мужа, но вместе с тем видно, что княгиню уже захватил Париж и она только и думает, как бы вернуться туда. "Я думаю сегодня о Париже немного более, чем обыкновенно, – писала она в августе, – так как вы переживаете теперь министерский кризис. Я сожалею о том, что Тьеру придется выйти из министерства, так как Вы знаете, что я питаю к нему симпатию, и он любит власть, как всякий человек. Мне очень хочется знать, кто заменит его"²⁶.

²⁰ Там же, с. 426.

²¹ Там же, с. 427.

²² *Dino D.* Op. cit., t. 1, p. 196.

²³ *Ibid.*, t. 2, p. 52.

²⁴ *Ibid.*, p. 54.

²⁵ Княгиня Д.Х. Ливен и ее переписка с разными лицами. – Русская старина, 1903, № 11, с. 428.

²⁶ Там же.

Княгиня все еще надеялась, что встреча с мужем состоится, и писала об этом лорду Абердину 18 июля: "Мой муж приедет навестить меня, вероятно, в конце лета, и тогда мое будущее определится"²⁷. Кроме того, она не теряла надежды, что ей удастся получить разрешение остаться за границей, в Париже; об этом она лично просила императора Николая. В ее письме царю от 18(30) августа 1836 г. говорится: "Мое пребывание в Париже – это вопрос не выбора, но настоятельной необходимости; рассмотрев его с этой точки зрения, Ваше Императорское Величество не откажет мне"²⁸.

Она постоянно отправляла в Россию медицинские свидетельства, в которых отмечалось, что Италия, Германия и особенно Россия противопоказаны ей и что доктора настаивают на ее немедленном возвращении в Париж. "Мне будет очень грустно, если мой муж не поверит мне", – писала она Христофору Андреевичу 5(17) сентября 1836 г.²⁹

В сентябре 1836 г., находясь в Бадене, княгиня получила долгожданное письмо от брата: "Его Императорское Величество Вам ничего не запрещает и предоставляет полную свободу действий, сожалея только о том, что Ваши привычки и вкусы отдаляют Вас от Вашей родины"³⁰.

Почему император был против проживания Дарьи Ливен в Париже? Представляется, что определяющим фактором для Николая I явился выбор княгиней именно Парижа, столицы Франции, центра революционных потрясений и бунтов, страны, управляемой королем-узурпатором. То, что княгиня Ливен, особа, приближенная к императорской фамилии, предпочла Санкт-Петербургу именно этот город, Николай I никак не мог принять.

Так полагала и сама Дарья Христофоровна. В письме Гизо от 25 сентября 1837 г. она отмечала: "В моей стране, сударь, я очень знатная дама; я стою выше всех по своему положению при дворе и, главное, потому, что я единственная дама во всей Империи, по-настоящему близкая к императору и императрице. Я принадлежу к императорской семье. Таково мое общественное положение в Петербурге. Вот почему так силен гнев императора; он не может допустить, что родина революций оказала мне честь и приняла меня"³¹.

Кроме того, зная Ливен, которую многие сильные мира сего считали "опасной женщиной", царь понимал, что она не будет вести в Париже спокойный, размеренный образ жизни, не привлекая к себе внимания, а вновь, как и в Лондоне, окажется в центре светской и дипломатической жизни, но теперь уже действуя абсолютно свободно, не будучи скованной официальным статусом и инструкциями.

Герцогиня де Дино 15 августа 1837 г. сделала следующее замечание, которое в определенной степени объясняет гнев Николая: "Я знала стремление Ливен влиться в парижскую жизнь, но я не считала, что она пытается подменить собой посольство России. Ее нынешнее положение нейтрально и не чревато последствиями, в то время как официальный статус грозит неисчислимыми затруднениями"³².

Сама Дарья Христофоровна тоже полагала, что император ставил ей в вину ее салон в Париже, но, защищаясь, совершенно иначе определяла его характер: "Политический салон, это неправда! Да, конечно, у меня бывают политические деятели, то есть все выдающиеся по уму из разных партий, но, в общем, бывает всего пять французов: Моле, Гизо, Тьер, Берье и герцог де Ноай. Как видите, это люди всяких оттенков. Из числа их у меня бывают запросто только первые два, и я глубоко уважаю того и другого. Но разве я говорю с ними о политике? Что мне до нее теперь?.. Вас, быть

²⁷ The Correspondence of Lord Aberdeen and Princess Lieven, p. 55.

²⁸ Цит. по: *Cromwell J.L.* Op. cit., p. 188.

²⁹ Ibidem.

³⁰ ГА РФ, ф. 1126, оп. 1, д. 332, л. 48–48об.

³¹ *Lettres de François Guizot et de la princesse Lieven. Préface de J. Schlumberger*, t. 1–3. Paris, 1963–1964; t. 1, p. 121.

³² *Dino D.* Op. cit., t. 2, p. 175.

может, удивит, если я Вам скажу, что с г-ном Гизо, например, мы говорим преимущественно о религии... Вот лица, которые бывают у меня, да еще некоторые дипломаты с самыми прекрасными принципами, несколько знакомых англичан, путешественники – австрийцы, наш посланник, который навещает меня ежедневно. Вот, дорогой брат, как я провожу время; по вечерам я всегда дома; я никогда нигде не бываю, ни в гостях, ни в театре, ни где бы то ни было. Объясните мне, что худого в подобной жизни?"³³.

О беспочвенности обвинений в свой адрес княгиня писала и Ф. Гизо: "Я всегда была в курсе европейской политики. Но я всегда воспринимала политические интриги во Франции только как повод для шуток... То, что происходит здесь, – это забавный спектакль. Но только спектакль, которым я наслаждаюсь в моем маленьком кругу, невинно и беспечно"³⁴.

Американская исследовательница Дж. Кромвель в своей недавней работе о Д. Ливен подметила еще одну характерную деталь. Оказавшись в Париже, княгиня с большим энтузиазмом возобновила свои прежние знакомства. Одними из близких ей людей, как уже упоминалось, стали Ш.-М. Талейран и его племянница. Российский самодержец, ненавидевший этого политика и считавший его заклятым врагом России, не мог принять таких предпочтений своенравной княгини. А тем более, когда узнал, что Ливен принимает приглашения Талейрана и является частой гостьей в его замке³⁵.

* * *

Несмотря на требование русского правительства, Дарья Христофоровна решила остаться в Париже и скоро уже вела тот образ жизни, который только и представлял для нее интерес. Как записала в своем дневнике де Дино, "она считала себя вправе остаться здесь *ad vitam oeternam* ("на вечные времена". – *Н.Т.*) без каких-либо притеснений"³⁶. Герцогиня также отмечала, что если княгиня "снова окажется во власти императора или вне пределов Франции, она исчезнет, подобно старой московской бороде"³⁷.

Созданный Ливен литературно-политический салон вскоре затмил по своей популярности даже знаменитый салон мадам Рекамье, славившейся умением соединять людей самой различной политической ориентации. Салон – это прежде всего пространство, где происходит светское общение. В то же время салон – это пространство политическое. Можно согласиться с мнением французской исследовательницы А. Мартен-Фюжье, что в то время не существовало границы между политическими занятиями, парламентскими дебатами и салонами, каждый из которых мог похвастать своим "тенором". В так называемых политических салонах, по сути дела, происходило вечернее продолжение той политической игры, которая велась днем: депутаты и все остальные гости обсуждали последнее заседание палаты, обменивались сведениями и мнениями³⁸.

Салон Ливен имел немаловажное значение для России в условиях непростых франко-русских отношений и частой смены послов, которых с 1841 г. сменили поверенные в делах³⁹. Частая смена послов не позволила русской миссии в Париже принимать полноценное участие в светской жизни. Кроме того, как отмечал Р. Аппоньи, царь выделял русским дипломатам слишком скромное содержание. При графе Палене в рус-

³³ Княгиня Д.Х. Ливен и ее переписка с разными лицами. – Русская старина, 1903, № 11, с. 433.

³⁴ *Lettres de François Guizot et de la princesse Lieven*, t. 1, p. 121.

³⁵ *Cromwell J.L.* Op. cit., p. 181.

³⁶ *Dino D.* Op. cit., t. 2, p. 206.

³⁷ *Ibid.*, p. 248.

³⁸ *Мартен-Фюжье А.* Элегантная жизнь, или как возник "весь Париж". 1815–1848. М., 1998, с. 241.

³⁹ До 1834 г. послом был К.О. Поццо ди Борго; в 1835 г. на этот пост был назначен граф П.П. Пален, который был отозван из Парижа в конце 1841 г. С этого времени Россию в Париже представлял поверенный в делах Н.Д. Киселев.

ском посольстве очень редко устраивали большие приемы, а русские подданные, оказавшиеся в Париже, жаловались на отсутствие протекции со стороны посла⁴⁰.

Итак, всего за два года пребывания в Париже княгиня создала себе солидное положение. Она тщательно скрывала свои материальные и душевные заботы ото всех, кроме одного человека, которому вскоре стала доверять свои тайны. Этим человеком был Франсуа Гизо. Их многолетней дружбе суждено было сыграть существенную роль в определенной стабилизации русско-французских отношений в годы Июльской монархии.

В начале июля 1837 г. княгиня отправилась в Лондон, где только что скончался Вильгельм IV и на престол вступила юная королева Виктория. По приезде в Лондон она получила письмо от мужа, который уведомлял, что едет в Германию на воды, а оттуда в Италию и, поскольку не может взять ее с собой, просит назначить на его пути какое-нибудь место, где они могли бы встретиться, но только не во Франции. Поручая своему другу, графу А.Ф. Орлову⁴¹, направлявшемуся в Лондон, передать княгине это письмо, князь настоятельно просил его убедить Дарью Христофоровну в необходимости этого свидания. Однако Орлов, увидев слабое состояние здоровья княгини, посоветовал ей назначить мужу встречу в Гавре или Дьеппе. Княгиня так и написала мужу, подчеркнув, что может с ним увидеться только во Франции, и как можно ближе к Парижу. Ливен писала Гизо 25 июля: "Хотя моему мужу нет места ни в моей душе, ни в моем сердце, он меня любит, он заботится обо мне, я ему принадлежу. Это – близость, привычка, все то, что так необходимо, так мило женщине. Но для меня началась дру-
гая жизнь"⁴².

В начале августа она покинула Лондон и направилась в Париж ожидать там ответа от мужа. По дороге ее состояние резко ухудшилось, и 6 августа княгиня была вынуждена остановиться в Аббевилле. В Париж она прибыла лишь 10 августа. Все это время княгиня вела активную переписку с мужем, о чем сообщала Гизо, находившемуся в Валь-Рише: "Мы пишем друг другу каждый день; это настоящий журнал. Я не могу больше этого выносить. Через несколько дней я должна получить его ответ на мое предложение встретиться на территории Франции и на мое заявление, что я могу встретиться только на этих условиях"⁴³.

Однако вскоре княгиня получила известие от сына Александра из Бадена, сообщавшего, что отец не приедет во Францию. 1 сентября 1837 г. она писала своей подруге леди Каупер, в замужестве Пальмерстон: "Мой муж отказался приехать навестить меня, а мой доктор запрещает мне уезжать. Я написала ко двору с просьбой дать моему мужу разрешение приехать ко мне. Это единственное, что я могла сделать"⁴⁴.

Об этом княгиня сообщала и лорду Грею: "Император не разрешает моему мужу встретиться со мной. Доктора, со своей стороны, категорически запрещают мне путешествовать. Даже короткое путешествие в Англию принесло мне столько страданий! Никто в России не верит, что я действительно больна... Одним словом, они хотят, чтобы я приехала жить в Петербург, и с целью заставить меня сделать это они готовы лишить меня всех средств к существованию. Для меня сейчас ехать жить в Петербург, значит ехать туда умирать"⁴⁵.

Тем временем связь Ливен и Гизо стала предметом обсуждений в парижском обществе. 18 сентября 1837 г., т. е. в самом начале их романа, герцогиня де Дино отметила в своем дневнике: "Я получила вчера письмо от Моле. Он с досадой пишет о внимании,

⁴⁰ Мильчина В. Россия и Франция. Дипломаты. Литераторы. Шпионы. СПб., 2004, с. 180.

⁴¹ А.Ф. Орлов был одним из доверенных лиц Николая I, входил в Государственный совет, а после смерти А. Бенкендорфа в 1844 г. сменил его на посту начальника III Отделения императорской канцелярии.

⁴² *Lettres de François Guizot et de la princesse Lieven*, t. 1, p. 49.

⁴³ *Ibid.*, p. 81.

⁴⁴ *The Lieven – Palmerston Correspondence*, p. 135.

⁴⁵ *Correspondance of Princess Lieven and Earl Grey*, v. 3, p. 247–248.

которым Гизо окружил мадам Ливен, принимающую это с воодушевлением"⁴⁶. Сама княгиня не скрывала этой связи. Она показывала письма Гизо леди Гренвил, супруге английского посла, которая рыдала от наплыва эмоций, и посвящала в свои тайны лорда Абердина. Мадам де Кастеллан и герцогиня де Дино обсуждали подробности их отношений. По словам де Дино, по Парижу ходили слухи, что "характер отношений между Гизо и Ливен возмущает общественность и, возможно, это станет предметом обсуждений в палате депутатов"⁴⁷. Вскоре об этой связи стали писать в газетах. 18 сентября 1837 г. в проправительственной газете "Le Temps", в разделе "Политическая хроника" появилась статья, озаглавленная "Влюбленный доктринер".

Конечно, об этом романе стало известно и Христофору Ливену. Статья в "Le Temps" привела его в бешенство. И дело было не только в ревности: связь его жены с французом, к тому же простым буржуа, хоть и министром, компрометировала Христофора Андреевича при дворе, в российском обществе. Князь призывал супругу вспомнить о ее долге жены и матери, поразмыслить над своим поведением. Княгиня писала Гизо 27 сентября: "Но, боже мой, чего он хочет? Может быть, он требует развода? Почему? Потому что я остаюсь больная в Париже?"⁴⁸. Князь приказывал супруге немедленно покинуть Париж и заканчивал свое письмо от 19 сентября следующими словами: "Я настоятельно требую категорического ответа, ибо я сам обязан дать через некоторое время отчет относительно тех мер, какие будут приняты мною в случае отказа с твоей стороны"⁴⁹. Понятно, что Христофор Андреевич должен был отчитаться перед императором, который не меньше обманутого супруга был взбешен своеволием княгини. 24 сентября Ливен писала Гизо: "Очевидно... он обещал императору заставить меня покинуть Париж любой ценой". 21 октября 1837 г. в письме Гизо она передавала слова императора Николая, сказанные князю Ливену: "Ваша жена задела мою честь и достоинство, она единственная осмелилась подвергнуть сомнению мой авторитет. Заставьте ее подчиниться, а если Вам это не удастся, я сам ее сотру в порошок"⁵⁰.

Дарья Христофоровна пыталась протестовать, напомнив мужу о мнении графа Орлова, который полагал, что она могла жить в Париже, не нарушая воли государя, подробно описывала ему свои страдания и ссылалась на заключения медиков, хотя понимала, что муж им не верит. Она жаловалась Гизо: "Ясно, что он не верит ни одному слову из медицинского сертификата. Он писал мне: "Забавно наблюдать, что врачи Гренвила советуют тебе уехать из Парижа, а твои врачи приказывают тебе остаться здесь. Они очень услужливы"⁵¹.

Княгиня обратилась также к К.В. Нессельроде и А.Ф. Орлову, умоляя их замолвить за нее слово, чтобы смягчить гнев государя. "Любезный граф, – писала она Орлову, – угрозы моего мужа станут свершившимся фактом, если я не выеду через неделю из Парижа, чтобы жить вместе с ним; он лишит меня своей поддержки, и я останусь без гроша. Вот к каким крайним мерам он будет вынужден прибегнуть, чтобы сдержать данное им, по-видимому, императору слово вызвать меня во что бы то ни стало из Франции, ибо я вижу ясно из его писем, что он обязан дать ему отчет в принятом по отношению ко мне решении. Мои письма и отзывы врачей им получены; поэтому ясно, что он желает, чтобы я уехала отсюда живая или мертвая... Нет, не может быть, чтобы император приказал моему мужу поступить таким образом с его женою... Относительно меня вопрос как нельзя более прост; надобно выяснить, не хочу я или не могу уехать из Парижа... Если будет подтверждено, что я не в состоянии уехать, то я

⁴⁶ Dino D. Op. cit., t. 2, p. 183.

⁴⁷ Ibid., t. 3, p. 152.

⁴⁸ Lettres de François Guizot et de la princesse Lieven, t. 1, p. 125.

⁴⁹ Ibid., p. 119.

⁵⁰ Ibid., p. 119, 148.

⁵¹ Ibid., p. 119.

прибегну к покровительству императора и попрошу его сказать моему мужу, что он ошибается, полагая сделать ему приятное, ставя свою жену в безвыходное положение и предлагая ей на выбор либо рисковать жизнью, уехав из Парижа, либо жить в нищете, если она останется там. Во всяком случае, я избираю последнее. Но, любезный граф, нищета, на которую я буду обречена, будет всем известна. Г-на Ливена все считали до сих пор человеком чести, дворянином. Никто не поверит, что бы он мог сделать поступок столь необъяснимый. А что касается меня, то я человек всем известный и живу на глазах у моих друзей, а вам известно, как много их у меня. Все будут доискиваться причин тех притеснений, коим я подвергнусь"⁵².

Княгиня искала поддержки у российских дипломатов графа П. Палена и графа П. Медема. Она писала Гизо 27 сентября: "Сегодня утром у меня был организован совет, состоящий из графа Палена и графа Медема. Мы изучали, анализировали, комментировали письмо моего мужа. Они склонны усматривать в нем только исполнение воли императора. Они ожидают от двора официальных инструкций"⁵³.

О заступничестве она просила и брата Александра, решительно заявляя, что не может покинуть Париж: «Предпринять путешествие – значит, обречь себя на смерть. Я не доставлю мужу постыдное удовольствие сказать императору: "Ваше Величество, я исполнил ваше приказание, но моя жена умерла"»⁵⁴.

Однако все ее доводы были напрасны. В конце сентября князь Ливен выдвинул ей ультиматум: "Надеюсь, ты вполне поняла из моих слов, что я настоятельно требую, чтобы ты вернулась. Я предупреждаю тебя, что в случае отказа я буду вынужден принять такие меры, которые для меня очень неприятны. Поэтому объявляю тебе, что если ты не вернешься, то я прекращу высылку тебе денег. Я должен предупредить тебя также на случай, если настоящее письмо останется без ответа, что если таковой не будет получен мною через три недели, то я буду вынужден поступить так, как будто ты ответила мне отказом"⁵⁵.

Княгиня писала Гизо 1 октября 1837 г.: "Знаете ли Вы, какое чувство преобладает во мне? Это великая жалость к человеку, способному на такой поступок. Очевидно, что все это было согласовано с императором, обещано императору"⁵⁶.

В конце октября в Париж неожиданно приехал сын княгини Александр, посланный отцом, чтобы разъяснить матери неизменную волю императора и печальные последствия, которым она подвергает себя, оставаясь в Париже. Княгиня Ливен писала 20 октября 1837 г. Гизо: "Мой сын проведет здесь только два дня. Мы не расставались все утро, и я так ошеломлена всем тем, что он мне сказал, всем тем, что я ему наговорила, что у меня не осталось даже сил Вам написать". В другом письме она с грустью замечала: "Бедный мальчик, оказавшийся между отцом и матерью в очень неприятных обстоятельствах. У меня нет никакой надежды, что муж сюда придет, он совсем потерял голову. Надо, чтобы я приехала к императору, но Вы понимаете, что это невозможно"⁵⁷.

Однако Александр Ливен, видя состояние матери и поговорив с врачами, посоветовал ей остаться, но полагал, что вряд ли сможет повлиять на позицию отца. Дарья Христофоровна писала Гизо: "Истинную боль мне причиняет то, что мой муж не хочет ничему верить и что он выбросил медицинский аттестат, даже не читая его. Александр уедет убежденным, что я не вынесу переезда. Мой врач уже ему об этом говорил. Но его убеждение так и останется при нем; он думает, что мой муж его поддержит, только если получит приказ императора"⁵⁸.

⁵² Княгиня Д.Х. Ливен и ее переписка с разными лицами. – Русская старина, 1903, № 11, с. 431.

⁵³ *Lettres de François Guizot et de la princesse Lieven*, t. 1, p. 127.

⁵⁴ Княгиня Д.Х. Ливен и ее переписка с разными лицами. – Русская старина, 1903, № 11, с. 432.

⁵⁵ Там же, с. 430.

⁵⁶ *Lettres de François Guizot et de la princesse Lieven*, t. 1, p. 132.

⁵⁷ *Ibid.*, p. 145, 147.

⁵⁸ *Ibid.*, p. 145.

В начале следующего года князь Ливен привел в исполнение свои угрозы: он приказал своему банкиру прекратить все платежи княгине⁵⁹. 21 января она сообщила об этом леди Каупер: "Я давно не получаю известий от мужа. Это невыносимо; от угроз он перешел к действиям. Мой банкир получил приказ прекратить все выплаты"⁶⁰.

Княгиня очень тяжело переносила разрыв с мужем и его изменившееся к ней отношение. Х.А. Ливен в это время находился в Германии и ожидал цесаревича Александра, которого сопровождал в путешествии по Европе. Он упорно отказывался приехать к жене в Париж, о чем Ливен писала леди Каупер 2 марта 1838 г. В этом же письме Дарья Христофоровна позволила себе выразить свое мнение о суверене: "Император очень жесток, если он вмешивается в отношения между мужем и женой". В другом письме леди Каупер, от 1 октября 1838 г., она писала о реакции Николая I: "Императорский гнев против Парижа и меня, обитающей в этом греховном городе, силен как никогда. Это забавная ситуация, но я останусь здесь, потому что я не представляю, где бы я еще могла жить".

Жалуясь подруге на отсутствие новостей от мужа, княгиня восклицала: "Какое экстравагантное родство!"⁶¹, – а в письме лорду Грей с грустью отмечала: "Вы не спрашиваете императора Николая, можете ли Вы осмелиться любить меня и можете ли Вы осмелиться сказать мне это!"⁶². Лаконичнее всего свое возмущение княгиня выразила в письме Гизо от 8 июля 1838 г.: "Что за страна, что за государь, что за отец!"⁶³

Гизо также не скрывал своего негодования действиями Николая I и князя Ливена, отмечая, что от них "всего можно ожидать". Гизо сообщал княгине, что известный французский геолог Эли де Бомон прислал ему заметки о путешествии на Этну, и сравнивал поведение императора и князя Ливена с извержением вулкана: "Земля в любой момент может разверзнуться у Вас под ногами. То же самое и с варварами. Ни в чем нет уверенности"⁶⁴.

В это время на княгиню обрушилось еще одно несчастье: в июне 1838 г. в Америке скончался ее сын Константин. Причем император запретил сообщать ей об этом, и Дарья Христофоровна узнала о смерти сына, лишь получив обратно посланное ему письмо с пометкой "скончался". Между тем, по словам княгини, ее петербургский банкир сообщил ей, что еще 6 июля он отправил известие об этом трагическом событии Христофору Андреевичу. Княгиня в отчаянии писала лорду Грей: "И это отец моего сына! Мой муж оставляет меня в абсолютном неведении, видимо, желая, чтобы я узнала обо всем таким ужасным образом! Он не подумал ни о своей жене, ни о своих детях. Мой бедный мальчик! Ему так доставалось от его отца при жизни, и теперь, когда он умер, его отец отказывается сообщить об этом". "Мне, матери его сына, – продолжала Дарья Христофоровна, – он, его отец, не пишет потому, что я в немилости при дворе. Россия ужасная страна; человек должен в ней отказаться от всех естественных чувств и самых священных обязанностей в жизни"⁶⁵.

А. Бенкендорф объяснял такое жестокое поведение князя Ливена стремлением отомстить за многие годы доминирования жены: "Может быть, и это понятно, что он и теперь мстит тебе: он так долго терпел над собою твое умственное превосходство". Дарья Ливен отвечала брату: "Это превосходство, ежели оно существовало, было посвящено служению ему в продолжение очень многих лет"⁶⁶.

Итак, не имея официального разрешения и находясь в весьма непростой финансовой ситуации, княгиня приняла решение остаться в Париже. В июле 1838 г. с улицы

⁵⁹ *Cromwell J.L.* Op. cit., p. 203.

⁶⁰ The Lieven – Palmerston Correspondence, p. 141.

⁶¹ Ibid., p. 147, 156.

⁶² Correspondance of Princess Lieven and Earl Grey, v. 3, p. 265.

⁶³ Lettres de François Guizot et de la princesse Lieven, t. 1, p. 166.

⁶⁴ Ibid., p. 179.

⁶⁵ Correspondance of Princess Lieven and Earl Grey, v. 3, p. 282.

⁶⁶ Цит. по: Шаховская-Глебова-Стрешнева. Княгиня Ливен. М., 1904, с. 6–7.

Риволи она переехала в предместье Сент-Оноре. Княгиня поселилась в доме № 2 на улице Сен-Флорантен, в особняке Талейрана, в котором тот в 1814 г. принимал императора Александра I⁶⁷. После смерти прославленного дипломата его племянница, герцогиня де Дино, продала дом Джеймсу Ротшильду, который в свою очередь сдал антресоли в этом особняке княгине Ливен.

Здесь она прожила 20 лет, ежедневно после полудня и по вечерам принимая у себя виднейших европейских дипломатов и политиков. Как было подмечено журналистами, княгиня неслучайно обосновалась в доме, где прежде жил великий дипломат: она была его истинной наследницей. А. Тьер называл ее салон "обсерваторией для наблюдений за Европой"⁶⁸.

* * *

С 1838 г. отношения между супругами были, по сути, прерваны. С Христофором Андреевичем Дарья Ливен так и не встретилась, писем от него почти не получала. "Никаких новостей, которые могли бы прояснить тайну этой грустной истории. Мне никто об этом ничего не пишет; я не получила ни единой строчки от моего мужа"⁶⁹, — писала она лорду Грей 10 декабря 1838 г.

Христофор Ливен в это время находился в Италии, в Риме, сопровождая цесаревича Александра Николаевича во время его путешествия. Там же был и сын княгини Александр, от которого Дарья Христофоровна получила письмо, содержавшее неожиданную новость: князь Ливен "твердо решил приехать в Париж как можно скорее после окончания европейского путешествия цесаревича и провести там зиму". Это известие, если судить по письмам княгини, необычайно ее обрадовало. Как писала она мужу 9 января 1839 г., "это был первый счастливый момент за многие годы и лучший за прошедшие полтора года! Эти восемнадцать месяцев были такими печальными, такими болезненными! Но в итоге я смогу забыть страдания. Я хочу забыть их все и вновь обрести счастье видеть себя рядом с Вами"⁷⁰.

Но вскоре Александр сообщил, что Христофор Андреевич тяжело заболел. Княгиня в письмах выражала свое участие и заботу, повторяла желание восстановить отношения, обещала регулярно писать князю (Александр упоминал, что отцу доставляло удовольствие чтение ее писем). Надеясь, что супруг сменил гнев на милость, она просила его восстановить выплату ей денег⁷¹. Однако 10 января 1839 г. князь Ливен умер.

Несмотря на видимое охлаждение между супругами, смерть мужа оказалась для княгини тяжелым ударом. Она признавалась лорду Грей: "Последние годы моей жизни, как Вы знаете, я жила вдали от мужа, и последние месяцы он почти не писал мне из уважения к воле императора, которому считал своим долгом повиноваться... По окончании воспитания и путешествия цесаревича по Европе муж мой должен был приехать ко мне для отдыха после пятидесятилетней службы. И вот накануне исполнения этого плана смерть отняла у меня человека, с которым я была связана на протяжении тридцати восьми лет моей жизни, с которым я пережила хорошие и тяжелые дни, величайшие радости и величайшие несчастья. Я не получила ни одного слова сочувствия и симпатии от императора"⁷².

В другом письме лорду Грей Ливен сообщала, что ее сыновья после смерти отца встречались с императором и что он отнесся к ним, как к членам своей семьи. Княгиня передавала Гизо слова императора, сказанные ее сыновьям: "Держитесь возле меня; я

⁶⁷ В этом здании сейчас находится посольство США.

⁶⁸ Мартен-Фюжье А. Указ. соч., с. 219.

⁶⁹ Correspondance of Princess Lieven and Earl Grey, v. 3, p. 287.

⁷⁰ Цит. по: Cromwell J.L. Op. cit., p. 207.

⁷¹ Ibidem.

⁷² Correspondance of Princess Lieven and Earl Grey, v. 3, p. 292–293.

хочу, чтобы наши отношения никогда не прерывались"⁷³. Однако, проявляя такую заботу о братьях, император в разговоре с ними ни словом не обмолвился об их матери. "Как будто это я умерла", – с горечью замечала Дарья Христофоровна⁷⁴.

Охлаждение царя к княгине отразилось и на отношении к ней прежних друзей и знакомых в России, которые поспешили прервать с ней былые связи⁷⁵.

После смерти мужа ее финансовое положение продолжало оставаться неопределенным. Ситуация осложнялась тем, что Христофор Андреевич не оставил завещания. По российским законам наследования Дарья Христофоровна имела право на седьмую часть состояния мужа. Кроме того, часть сбережений князя была размещена за границей, в Англии. Князь Ливен регулярно посылал деньги в Лондон своим банкирам из дома "Харман и К^о"⁷⁶. По сведениям графа Орлова, которого княгиня просила выяснить ее финансовые дела, ежегодный доход князя Ливена составлял 6–7 тыс. фунтов стерлингов. Она не знала, под английские или под российские законы наследования подпадают заграничные сбережения князя Ливена, и пыталась выяснить это через леди Каупер. Княгиня надеялась, что наследство подпадает под английскую юрисдикцию. "Тогда я была бы богатой женщиной, в противном случае – увы", – писала она. (Как уже отмечалось выше, проживание княгини за границей "без дозволения" императора грозило передачей в опеку принадлежавшей ей в России недвижимой собственности.) Кроме того, она просила леди Каупер узнать, она или кто-то из сыновей являются наследниками английских сбережений князя Ливена⁷⁷. Впоследствии княгиня не раз ездила в Лондон с целью продать свои бриллианты, так как ее финансовое положение было "неблестящим"⁷⁸.

Эта непростая финансовая ситуация усугубилась еще и нетактичным поведением сына княгини Павла, который, узнав, что отец не оставил завещания, "настойчиво, назойливо, а позднее даже с угрозами", как писала княгиня, просил ее дать ему доверенность на ведение финансовых дел. Дарья Христофоровна пообещала это сыну, однако "с большим нежеланием". Она писала брату Александру из Бадена 5 августа 1839 г.: "Сама идея вести напрямую дела с моими сыновьями была для меня невыносима". Ее очень угнетало поведение Павла, заявившего матери, что "в делах нет места чувствам и почтительности". Сыновья решили поделить даже посуду, дорогой семейный сервиз на 30 персон. Точнее, они решили поделить 200 тыс. франков, вырученных за этот сервиз, когда кто-нибудь из них троих захочет выкупить его целиком⁷⁹.

Княгиня поручила урегулировать этот наследственный спор своему брату Александру. Павел, узнав об этом, пришел, по словам Дарьи Христофоровны, "в такое возбуждение, что ушел, не попрощавшись", и заявил ей через своего брата, что она его больше не увидит. Княгиня надеялась, что Александр Христофорович все-таки сумеет урегулировать вопрос с наследством и поможет ей наладить отношения с детьми⁸⁰.

Однако любимый брат не встал безоговорочно на сторону сестры. Отвечая ей, он писал 13(25) сентября: "Если Павел немного любит деньги, так это семейная болезнь, которой он заразился от матери". Княгиня, сообщая о содержании этого письма Гизо, заметила на полях: "Все это меня очень ранит. Разве я это заслужила?". Бенкендорф даже советовал княгине поблагодарить сыновей, "всячески старавшихся ей помочь". "Прежде чем благодарить, я хотела бы знать, за что?" – спрашивала Ливен Гизо⁸¹.

⁷³ *Lettres de François Guizot et de la princesse Lieven*, t. 1, p. 244.

⁷⁴ *Correspondance of Princess Lieven and Earl Grey*, v. 3, p. 303.

⁷⁵ Данилова А. Указ. соч., с. 320.

⁷⁶ *Cromwell J.L.* Op. cit., p. 186.

⁷⁷ *The Lieven – Palmerston Correspondence*, p. 169.

⁷⁸ *Ibid.*, p. 170.

⁷⁹ *Lettres de François Guizot et de la princesse Lieven*, t. 1, p. 319.

⁸⁰ *Ibid.*, p. 266.

⁸¹ *Ibid.*, p. 282–283.

К этому времени Дарье Христофоровне удалось выяснить, что по английским законам она одна является наследницей всех капиталов, размещенных ее мужем в Англии. Она писала А. Бенкендорфу, что князь Ливен еще при жизни говорил, что именно она – наследница его английских денег и что ее сыновья знали об этом. Именно по этой причине, по мнению княгини, ее муж и не оставил завещания. Ливен писала брату: "Я не претендую ни на что иное, кроме следования принципу, которому меня научили мои сыновья: действовать строго в рамках закона, и, если английский закон на моей стороне, я хочу воспользоваться преимуществами, которые он мне предоставляет, точно так же как мои сыновья хотят воспользоваться тем, что им гарантируют российские законы"⁸².

В конце концов вопрос с наследством разрешился следующим образом: княгиня отказалась от российской части наследства в пользу своих сыновей – Александра и Павла, однако они были обязаны выплачивать ей регулярное пособие в размере 2 тыс. рублей, что равнялось 8 тыс. франков.

Ежегодная рента от английского капитала составляла 13 тыс. франков⁸³. Кроме того, у княгини были и свои собственные сбережения. Все это обеспечивало ей относительно скромный годовой доход в 60 тыс. франков. Этих денег хватало на содержание салона в элегантном и комфортабельном доме на улице Сен-Флорантен. Княгиня купила антикварную мебель за 30 тыс. франков⁸⁴, пианино, ковры и попросила свою сестру Марию выслать из Санкт-Петербурга ее книги. Вместе с леди Гренвил, супругой английского посла, княгиня была завсегдатаем антикварных магазинов. У нее была компаньонка, прислуга. Дарья Христофоровна могла позволить себе содержать экипаж и лошадей, ложу в опере, посещать Лондон и фешенебельные курорты, а в теплое время года снимать дом в Босежуре, недалеко от Версаля.

* * *

Как в свое время утверждали, что в Лондоне у России два посла, так теперь в Париже говорили, что во Франции два министра иностранных дел: Гизо и княгиня Ливен⁸⁵. Княгиню, теперь уже не обремененную официальным статусом, упрекали в непосредственном влиянии на принятие политических решений. Кроме того, было широко распространено мнение, что княгиня, обладавшая несомненным авторитетом в европейской дипломатии, по-прежнему оказывает заметное влияние на дипломатический корпус. Герцогиня де Дино отмечала, что в Париже "много говорили о том, будто княгиня назначает и отзываает послов", и это вызывало раздражение дипкорпуса⁸⁶. Сама де Дино придерживалась аналогичного мнения: "Так считают повсюду, и, я думаю, для этого есть все основания"⁸⁷.

Важная деталь биографии Дарьи Ливен, которая дала повод обвинять ее в шпионаже, – это возобновленная с 1843 г. переписка с императрицей Александрой Федоровной. Она сообщала императрице все новости политического характера, отправляя свои письма на имя графини Нессельроде. До сих пор историки спорят о причинах изменения поведения Ливен и ее желании сотрудничать с российским двором. Ведь княгиня могла затаить обиду на императора, запретившего ей жить в Париже, оставившего ее без средств к существованию, не позволившего сообщить о смерти сына Константина. 7 сентября 1838 г. герцогиня де Дино записала в своем дневнике, что княгиня Ливен "ненавидит императора в глубине души так, как его могут ненавидеть

⁸² Ibid., p. 267.

⁸³ Ibid., p. 282, 283.

⁸⁴ Ibid., p. 306.

⁸⁵ *Dino D.* Op. cit., t. 2, p. 402.

⁸⁶ Ibid., t. 3, p. 64.

⁸⁷ Ibid., p. 119.

только жители Варшавы"⁸⁸, имея в виду подавление варшавского восстания царскими войсками в 1831 г.

Действительно, к 1843 г. Д. Ливен проживала в Париже на птичьих правах, так и не получив официального разрешения. Ее очень беспокоила эта неопределенность, и она пыталась выяснить через брата, применимо ли к ней российское законодательство, а именно – упоминавшийся выше царский указ от 27 апреля 1834 г., предусматривавший передачу в опеку имущества лица, без императорского разрешения отсутствовавшего в России более пяти лет. Она надеялась, что письмо, адресованное ей братом Александром в 1836 г. и содержавшее разрешение императора остаться за границей, освобождало ее от этой ответственности.

Она жаловалась Александру Христофоровичу на свое сложное материальное положение: "Вы знаете, что я не владею землями и что мой единственный источник дохода, приходящий из России, – это пенсия, которую мне дают мои сыновья". Исходя из этого, она полагала, что у нее есть две причины не подпадать под юрисдикцию российских указов: во-первых, отсутствие источника доходов; во-вторых, императорское разрешение от 1836 г.⁸⁹

Ливен не раз обращалась к своему высокопоставленному брату с просьбой посодействовать в разрешении ее проблемы, взывая к состраданию и отмечая, что ей больше не к кому обратиться: "Вы хорошо знаете, что нет никого, кто мог бы меня защитить. Вы неоднократно доказывали, что Вы один можете мне помочь"⁹⁰.

Однако из писем брата она узнала, что на ее случай все-таки распространяется действие указа. Александр Христофорович советовал сестре немедленно обратиться лично к императору и просить о предоставлении неограниченного отпуска. Княгиня оказалась на перепутье: ей было трудно написать непосредственно императору, а брат, любимец императора, один из немногих приближенных, допущенных к императорским обедам для узкого семейного круга, отказывался поговорить с ним сам. "Вы считаете, – писала она, – что не можете поговорить с императором. Этот ужасный император! Как мое письмо может быть лучше Ваших слов? Вот уже восемь лет, как император меня судит со всей строгостью, даже суровостью!". Она сомневалась, что Николай I, от которого на протяжении многих лет она не услышала ни слова поддержки, будет к ней великодушен. Дарья Христофоровна была в отчаянном положении; в ее письмах того времени неоднократно звучала одна и та же фраза: "Мне страшно!". Она писала, что "стоит на краю бездны"⁹¹.

В конце концов она все-таки решила последовать совету брата и обратиться лично к императору, надеясь добиться "отпуска на неограниченное время" и ссылаясь на то, что подобная милость была пожалована трем известным ей русским особам, пребывающим в Париже. Копию письма императору она отправила Александру, которому сообщила 24 марта (5 апреля) 1843 г.: "Я прошу милости, это правда, но я не прошу ничего такого, что не было бы пожаловано другим"⁹². Княгиня умоляла брата заступиться за нее, "защитить от ужасных русских чиновников"⁹³ (слово "чиновники" в тексте написано по-русски), повторяя, что, уехав из России, она не совершила никакого преступления. И добавляла: "Двадцать пять лучших лет моей жизни я провела за границей. Мое короткое пребывание на родине было прервано ужасным несчастьем. У меня не было на родине никаких привязанностей и никакого невыполненного долга. Я не была ограничена никем и ничем, врачи настоятельно рекомендовали мне уехать. Проходили годы, и я больше не надеялась выздороветь. Я прошу милости разрешить

⁸⁸ Ibid., т. 2, р. 248.

⁸⁹ ГА РФ, ф. 1126, оп. 1, д. 332, л. 48–48об. Письмо А. Бенкендорфу от 29 декабря 1842 г. (10 января 1843 г.).

⁹⁰ Там же, л. 49об.

⁹¹ Там же, л. 75–76об. Письмо А. Бенкендорфу от 23 февраля (4 марта) 1843 г.

⁹² Там же, л. 95.

⁹³ Там же, л. 77об.

мне прожить мою жизнь спокойно. Это к Вам, мой дорогой брат, я обращаюсь с этой просьбой. И если память обо мне не найдет благоприятного отклика в душе императора, напомяните ему о моем муже и его полувековой постоянной и преданной службе"⁹⁴.

Княгиня не особенно надеялась на благоприятный исход дела. В письме брату от 25 марта (6 апреля) 1843 г. с пометкой "очень конфиденциально" она вновь упоминала о своих страхах и опасениях и вновь подчеркивала свою верность интересам России и лично императору: "Я знаю, что я служила императору, и я продолжаю ему служить... Моя жизнь – спокойная и тихая – для меня, но моя жизнь – полезная – для вас"⁹⁵. Далее она сообщала, что передала свою просьбу и К.В. Нессельроде: "Я ему немного говорила о моем деле. Может быть, Вы также сможете с ним переговорить"⁹⁶. Эта фраза показательна. Она позволяет предположить, что все эти годы Ливен вела переписку и с Нессельроде, информируя его о ситуации во Франции и международной обстановке. Она не переставала общаться с его женой Марией Дмитриевной.

Неизвестно, получила ли Дарья Христофоровна разрешение остаться в Париже на неограниченное время: документ, свидетельствующий об этом, нами не обнаружен. Однако возобновление переписки с императрицей является косвенным тому подтверждением.

Первое письмо, адресованное императрице, которое удалось обнаружить в ГА РФ, датировано 19 сентября (1 октября) 1843 г. В нем Дарья Христофоровна поздравляла Александру Федоровну с рождением внука, сына цесаревича Александра, и осторожно спрашивала, "позволит ли император поздравить также и его?"⁹⁷

Императрица за завтраком передавала письма Ливен августейшему супругу, и тот нередко уносил их с собой, чтобы прочитать еще раз и воспользоваться сообщенными сведениями. Надо полагать, Ливен действительно ощущала себя русской, была предана интересам своей родины и гордилась тем, что могла быть полезной в Париже "ее императору", точно так же, как прежде в Лондоне, будучи посланницей России. Как отмечала мадам де Мирабо, племянница первого секретаря посольства Франции в Лондоне де Бакура, с которым Ливен состояла в переписке, "она была драгоценной помощницей для России, она служила ей преданно и страстно"⁹⁸.

Французский военный и политический деятель маршал Каstellан с солдатской прямотой заявлял, что "княгиня Ливен и мадам Нарышкина – это два неофициальных посла в юбках, которых российский император всегда имеет в Париже"⁹⁹.

О сношениях Ливен с российским двором было известно французскому правительству и дипломатическому корпусу. Сама княгиня не скрывала этой переписки, напротив, умышленно упоминала о ней, стараясь показать, что не заслуживает обвинений в шпионаже.

Герцог де Брой так отзывался об этой стороне деятельности княгини: "Она хотела, чтобы ее салон, в котором первое место принадлежало, разумеется, Гизо, был открыт для иностранных и французских политических деятелей, находившихся в Париже постоянно или проездом, которые могли сообщить ей какие-либо новости дня, без которых она не могла обойтись". Однако де Брой добавлял: "Разговор со мной казался ей интереснее в те дни, когда я виделся с министром иностранных дел и мог сообщить ей какие-либо новости, которые она не могла получить иным путем"¹⁰⁰.

Кроме того, княгиня поддерживала постоянную переписку с братом А. Бенкендорфом, а также с племянником Константином Константиновичем Бенкендорфом. Письма, адресованные брату, должны были быть прочитанными и К.В. Нессельроде. Важ-

⁹⁴ Там же, л. 95об. – 96.

⁹⁵ Там же, л. 102.

⁹⁶ Там же, л. 102об.

⁹⁷ Там же, ф. 728, оп. 1, ч. 2, д. 1664, т. 17, л. 5–5 об.

⁹⁸ Цит. по: *Lettres du Prince Metternich a la comtesse Lieven*, p. 366.

⁹⁹ *Castellane E.V.E.B.* Op. cit., t. 5, p. 27.

¹⁰⁰ Княгиня Ливен и ее переписка с разными лицами. – Русская старина, 1904, № 1, с. 184.

ная деталь: княгиня вроде бы не скрывала своей переписки и все знали о ее активной корреспондентской деятельности, однако брату она часто писала зашифрованные послания симпатическими чернилами, которые проявлялись при нагревании. Так, в одном из этих писем читаем: "Я Вам открыто сказала то, что можно было сказать. Вот то, что есть на самом деле и о чем не было сказано"¹⁰¹.

Поскольку почерк у княгини был неразборчивым, что усугублялось заболеванием глаз, зашифрованный текст был написан под ее диктовку, как правило, ее компаньонкой Марион. Следуя рекомендациям медиков, Ливен часто писала на зеленой бумаге. Эти знаменитые "зеленые письма" княгини очень быстро стали предметом пересудов по всей Европе; в них видели очередную интригу. Зашифрованный текст содержал детальные сведения, обычно касающиеся актуальных внешнеполитических вопросов, без каких-либо замечаний личностного характера, психологических зарисовок, что было очень свойственно княгине.

Как видим, несмотря на то, что переписка с императрицей была возобновлена только в 1843 г., Ливен не прекращала через брата информировать российское правительство о важнейших внешне- и внутриполитических событиях. И об этом знал и император. В частности, в ГА РФ содержится письмо княгини из Бадена от 4(16) августа 1838 г., адресованное брату Александру, где она приводит копию письма Ф. Гизо от 12 августа, касающегося египетского вопроса. В том же деле имеется записка Николая I по поводу этой копии¹⁰². Итак, даже непризнанная и опальная, оставленная без содержания, Ливен не прерывала связей с Россией и продолжала ей служить.

Февральская революция 1848 г. вынудила Ливен уехать в Англию. Вернулась в Париж она осенью 1849 г. В годы Второй империи княгиня надеялась на франко-российское сближение и полагала, что к тому были предпосылки: "Его (императора Луи Наполеона. – *Н.Т.*) принципы согласуются с нашими. Его идеи сильной власти...не являются ортодоксальными. Он имеет расположение к континентальным правительствам, особенно к нам. Эти же принципы отдаляют его от Англии, несмотря на его восхищение этой страной"¹⁰³.

Однако ее надеждам на сближение России и Франции не суждено было сбыться; напротив, ей предстояло пережить войну между двумя столь любимыми ею странами.

В исторической науке сформировалось не вполне верное представление, что проницательность изменила княгине Ливен, что она не сумела объективно оценить расстановку сил накануне Крымской войны, ошибочно полагая, что Франция не будет воевать против России, и неверно информировала Николая I, воздействуя в том же духе и на российского посланника Н.Д. Киселева.

Было среди современников княгини и другое мнение относительно ее деятельности в Париже и ее влияния на развитие событий. В частности, граф де Рейзе, поверенный Франции в делах в Санкт-Петербурге, полагал, что при царском дворе письмам княгини не придавали большого значения и воспринимали их лишь как описание слухов и сплетен, циркулировавших в парижских салонах. В депеше министру иностранных дел Франции Друэну де Люису от 2 июля 1853 г. он, в частности, сообщал, что княгиня "дерзко и настойчиво" продолжает вести переписку только для того, чтобы "сохранить видимость доверия" к своей персоне и "позабавить" императрицу и ее окружение, сообщая "самые смешные и самые неправдоподобные истории о политических деятелях". Дипломат также полагал, что император Николай испытывал лишь "отвращение к подобного рода сплетням" и однажды, когда застал императрицу за чтением оче-

¹⁰¹ ГА РФ, ф. 1126, оп. 16, д. 4246, л. 360.

¹⁰² Там же, ф. 728, оп. 1, т. 2, д. 1842, л. 1–2.

¹⁰³ Там же, д. 1664, ч. 10, т. 1, л. 99.

редного письма от княгини, написанного на зеленой бумаге, с негодованием воскликнул: "О, это все та же противная зеленая бумага!"¹⁰⁴

Вряд ли стоит полностью доверять словам французского дипломата. Действительно, императрица Александра Федоровна была совершенно в стороне от политики; самой сильной ее страстью были танцы и придворные развлечения. Как отмечал А. Труайя, императрица, "не зная ничего о стремлениях и нуждах своих подданных, живет лишь внешним веселием балов, праздников, спектаклей"¹⁰⁵. Но вряд ли для Александры Федоровны чтение писем Ливен было "забавой". Дело в том, что письма Ливен даже самым близким людям – это, как правило, переписка сугубо на политические темы. Ее письма императрице – настоящая политическая хроника, подробнейший, порой ежедневный отчет не о светских сплетнях и пустых разговорах, а об актуальнейших событиях европейской политики и дипломатии, о визитах не просто светских денди, а ведущих французских и европейских политиков. И вся эта информация предназначалась, конечно, не Александре Федоровне, а царю и его ближайшему политическому окружению.

Из писем Ливен императрице за 1852–1854 гг. вовсе не следует, что на старости лет она потеряла чувство реальности, была настроена излишне оптимистично и в итоге "проморгала" начало Крымской войны. Весной 1853 г. она писала императрице каждый день, и это только подтверждает понимание ею всей сложности и серьезности ситуации.

Ливен была окружена вовсе не только бывшими лидерами Июльской монархии, выразившими мнение относительно слабости и непрочности режима, о чем княгиня неоднократно писала императрице. Кроме Гизо и Моле, она по-прежнему находилась в тесном контакте с ведущими европейскими дипломатами, вела активную переписку с иностранными друзьями, в том числе с англичанами, т.е. была в курсе событий.

Дарья Христофоровна, как представляется, сохраняла трезвость мысли и способность к объективному анализу. В письме от 29 мая (10 июня) 1853 г. она замечала, что "беспокойство, паника охватывает общественность. Война кажется одновременно неизбежной и невозможной". Действительно, в целом наиболее "здоровая" и значительная часть публики как в Париже, так и в Лондоне искренне хотела мира, хотя уже и не считала, как раньше, войну невозможной¹⁰⁶. Аналогичные сведения в эти же дни сообщал и Н.Д. Киселев. 28 мая (9 июня) он писал о неприязненном отношении к России, а еще через десять дней – уже о прямых указаниях в прессе на возможность войны в случае занятия русскими войсками Дунайских княжеств¹⁰⁷.

Из писем Ливен никак нельзя сделать вывод, что она недооценила всей сложности ситуации, находясь под впечатлением миролюбивых заявлений графа Морни, не видела франко-английского сближения и создания антирусской коалиции. Но ситуация на самом деле была неопределенная, неясная, подразумевавшая разные варианты разрешения конфликта, и все это очень тонко подмечала княгиня. Она писала из Парижа в начале сентября 1853 г.: "Всегда Восток, то есть всегда неопределенность"¹⁰⁸. Действительно, даже после оккупации Россией Дунайских княжеств Наполеон III все еще колебался в принятии окончательного решения по вопросу о том, какую линию занять в отношении России. На этих колебаниях, очевидно, сказалась борьба, которая велась в окружении Наполеона между сторонниками России, стремившимися не доводить дело до разрыва с ней и пытавшимися использовать все средства для мирного

¹⁰⁴ Archives des Affaires Étrangères. Correspondance politique. Russie, v. 209, f. 231–232 verso. Этот материал из Архива министерства иностранных дел Франции был любезно предоставлен автору д.и.н. П.П. Черкасовым.

¹⁰⁵ Труайя А. Николай I. М., 2003, с. 128.

¹⁰⁶ Кухарский П.Ф. Франко-русские отношения накануне Крымской войны. Л., 1941, с. 148.

¹⁰⁷ Там же, с. 103.

¹⁰⁸ ГА РФ, ф. 728, оп. 1, т. 2, д. 1664, т. 11, ч. 1, л. 2об.

урегулирования конфликта, и сторонниками Англии, считавшими необходимым действовать более решительно¹⁰⁹.

Княгиня Ливен объективно оценивала международную ситуацию накануне Крымской войны, видела различные сценарии развития событий и обо всем этом сообщала в Россию. Она была совершенно свободным человеком, не обремененным официальными полномочиями и должностями; ей незачем было кому-то угождать, льстить, даже самому государю-императору. И если Николай I увидел в ее письмах (как и в донесениях российских дипломатов и резидентов) только то, что хотел видеть, говорит лишь о его политической слепоте, обернувшейся трагедией для России, да и для него самого.

После обнародования царского манифеста "О прекращении политических сношений с Англиею и Франциею" 9(21) февраля 1854 г. Ливен была вынуждена уехать в Брюссель. Вернулась в Париж она только 1 января 1855 г. С этого времени и до конца жизни княгиня оставалась в столице Франции: доктора объявили ей, что обратного путешествия она не перенесет.

В Париже Дарья Христофоровна узнала о смерти Николая I. Как сообщал граф Морни в письме де Дино, эта новость "не особенно взволновала княгиню, а ее ответ был лаконичен: "Ну вот, теперь я могу спокойно здесь остаться""¹¹⁰. Эта фраза Ливен весьма показательна: значит, княгиня не забыла и не простила обиду, нанесенную ей государем. Несмотря на ее верноподданническое отношение к Николаю I, на возвышенные отзывы о нем, Дарья Христофоровна в отличие от мужа-сановника не была подвержена приступам придворной лести и сохраняла объективный взгляд на политику императора. В частности, еще в середине 1830-х годов она не одобряла образа действий Николая I в польском вопросе, называя его выступление в Варшаве 10 октября 1835 г., полное угроз и упреков в адрес поляков, "катастрофой"¹¹¹.

Ливен дожила до подписания мирного договора, но ей недолго пришлось пользоваться благами спокойной жизни. В январе 1857 г. княгиня заболела бронхитом, который очень быстро принял тяжелую форму. В ночь с 26 на 27 января она умерла на руках у Гизо и сына Павла. Похоронили ее в Курляндии, в родовом имении Мезотен близ Митавы, в семейном склепе, рядом с сыновьями. На покойной было черное бархатное платье фрейлины российского императорского двора, княжеская корона и распятие из слоновой кости в руках.

* * *

Княгиня Дарья Христофоровна Ливен была своеобразным символом уходящей эпохи, когда женщина – хозяйка салона, не облеченная официальными должностями, могла оказывать влияние на линию развития политических событий. Чистокровная немка, лютеранка, человек западного склада ума и образа жизни, она была русской по духу и, как это свойственно русскому человеку, отдавалась своей страсти полностью и без оглядки. А главной ее страстью, любовью всей ее жизни была политика, которую, по ее собственным словам, она "любила гораздо больше, чем солнце"¹¹².

Куда бы ни забрасывала ее судьба, как бы она ни страдала, каковы бы ни были ее обиды и разочарования, она всегда служила интересам России, преданно и бескорыстно.

¹⁰⁹ Кухарский П.Ф. Указ. соч., с. 117.

¹¹⁰ Dino D. Op. cit., t. 4, p. 202.

¹¹¹ Ibid., p. 385.

¹¹² Цит. по: Мартен-Фюжье А. Указ. соч., с. 214–215.